

В НОЯБРЬСКОМ номере журнала «Театр» приведены интересные данные о спектаклях, которые шли в первую половину 1962 года в нашей стране. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в этом списке не называлась...

В какой-то мере руководителей театров можно понять: часто представления пьесы шли при полупустом зале. Посещали ее в основном школьники-старшеклассники.

Прошел месяц, как Ленинградский Большой драматический театр имени Горького показал премьеру «Горе от ума». Интерес к спектаклю не уменьшается, а увеличивается. Причем интерес не только сравнительно узкого круга любителей театра, с нетерпением ожидающих каждой новой постановки народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Г. Товстоногова. О спектакле с одинаковым энтузиазмом говорят в аудиториях Ленинградского университета и в цехах завода «Электросила».

Спектакль поставил и оформил Георгий Товстоногов. Единство постановщика и художника проявляется сразу и до конца. Почему-то считалось, что для образного показа дома богатого московского барина необходимо как можно больше огромной мебели, ковров, зеркал. «Хрестоматийный глянec» снимается: на сцене четыре расположенные полукругом белые колонны, поддерживающие балюстраду второго этажа. Обычный вестибюль со вкусом построенного особняка. И все. Сценический круг выносит для каждой картины предельно необходимое — кресла, большие часы или столы для виста.

...Уходит вверх занавес. Первая неожиданность: на сцене все действующие лица спектакля. Специальное «лицо от театра» (артист С. Карнович-Валуа) торжественно представляет их, а перед этим объявляет: «Сегодня, 25 ноября года 1962-го, будет показано представление «Горе от ума»...». Мол, смотрите на сцену, но не забывайте, что сейчас двадцатый век.

«Не забывайте о сегодняшнем дне» — мысль, красной нитью проходящая через весь спектакль. В том-то и заключается гениальность комедии Грибоедова: проблемы, затронутые в ней, характерны не только для одной эпохи.

Все главные герои спектакля часто и открыто апеллируют в зал. Выходя на авансцену, смотря прямо в глаза зрителю, они как бы говорят: «Ответьте! Подумайте! Решите!» Для Товстоногова зал — не однородная

масса людей с примерно одинаковыми вкусами и привычками. Действительно, и в наши дни встречаются еще люди, которые не прочь воспользоваться философией Павла Афанасьевича Фамусова, а есть и такие, как Молчалин, ради спокойного житья готовые угождать хозяину, начальнику, дворнику и его собаке. Чацкий, а вместе с ним и театр, бьется с фамусовыми, молчаливыми, загоревшими и в нашей жизни.

Фамусовская Москва страшна в спектакле потому, что она тупа, но не глупа. Показательно, как творчество режиссера пре-

знаком нам по ролям Часовникова в «Океане», Гвичарди в «Четвергом», наконец по фильму «Человек ниоткуда». Но представить себе этого острого, эксцентричного актера Чацким?..

Слуга объявляет: «К вам Александр Андреевич Чацкий...».

Он появляется, неожиданно юный, в простом, как-то очень ладно сидящем на нем костюме. Торопливо проходит через комнаты, весь в нетерпеливом ожидании. То снимет перчатку, то наденет, то улыбнется. Тепло здоровается с радостно бросившейся к нему Лизанькой. А взгляд

черточки жизненной достоверности.

В нем есть что-то пушкинское — открытая радость жизни, одиночество беспокойного ума, горечь неравного бола.

«**Г**ЛУБАЯ роль», — говорили о Софье. Ее обычно играли анемичной, невыразительной барышней, недостойной любви Чацкого. Судили по молчалински: «Я в Софье Павловне не вижу ничего завидного. Дай бог ей век прожить богато. Любил Чацкого когда-то, меня разлюбил, как его...» А артистка Татьяна Доронина нашла и вылепила красивый женский характер. Даже внешне.

Ее Софья отнюдь не принадлежит к фамусовской Москве. По игре ума она единственная может сравниться с Чацким. Не для нее разговоры княжон о тюрлюрюлю, эшарпах и складочках. В детстве Софья дружила с Чацким, она радостно смотрит на него при встрече, он ей приятнее, чем кто-либо из окружающих... но лишь до того, как он неодобрительно отзывается о Молчалине.

Любовь к тому не вина, а беда ее. Пелена любви на глазах

мешает ее острому уму разглядеть всю ничтожность избранника. Трусость принимается за застенчивость, ничтожность — за скромность. Нескольких слов Молчалина в финале безжалостно разрушают иллюзии. Спектакль не только трагедия Чацкого, но и трагедия Софьи, горе уму не только Чацкого, но и Софьи.

Может быть, поэтому и режиссер и актриса, идя иногда, возможно, против текста, смело ставят рядом двух героев. Для Софьи Чацкий остается единственным близким человеком. Как сложится ее судьба далее?..

Подробного разговора заслуживают большие творческие победы В. Полицеймако (Фамусов), К. Лаврова (Молчалин), Е. Лебедева (Загорецкий), В. Стрельчица (Репетилов) и других артистов.

ВЕСНОЙ этого года в интервью нашей газете Г. Товстоногов говорил: «...Нам хочется вернуть творению Грибоедова его горячность, его публицистическую страсть, поставить на сцене не просто комедию нравов, а спектакль-диспут, спектакль-памфлет, добиться живого звучания замечательной пьесы». Театр добился этого! Москвичи с нетерпением ожидают предстоящей встречи со спектаклем.

Сейчас в Малом театре и в «Современнике» известные молодые режиссеры столицы Евгений Симонов и Олег Ефремов также готовят к постановке «Горе от ума». Хочется пожелать, чтобы их встреча с Грибоедовым тоже стала театральным праздником.

Р. ПОСПЕЛОВ,
наш спец. корр.

«Горе от ума» на сцене
Ленинградского Большого
драматического театра
имени Горького

«**К В А М**

**АЛЕКСАНДР АНДРЕИЧ
ЧАЦКИЙ...»**

вращает сравнительно безликую массу в конкретных противников. У Грибоедова ремарка: «Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч.». Но зритель обо всех этих безмянсных гостях благодаря Товстоногову узнает многое: их симпатии и антипатии, привычки, характеры, даже мысли. Кульминационный момент второго действия — распространение сплетни о Чацком. Бешено мчится сценический круг, непрерывное нарастание музыки, слов уже нельзя разобрать — какой-то вой. Топта, постепенно теряющая человеческий облик. И почти сразу же — новое движение круга. Уже не лица, а отвратительные маски. Этот прием крупного плана, максимального приближения к зрителю не нов. Однако здесь он выглядит очень свежим, во многом способствуя выразительно раскрытию авторского замысла.

Последний монолог Чацкого. И при словах: «Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа...» — неожиданно отдергивается второй занавес. Те же люди, при полном безмолвии с ненавистью указывающие на Чацкого. Немая сцена, достойно продолжающая по своему замыслу и решению традиции гоголевского «Ревизора»!

Но успех спектакля определяется не только виртуозным мастерством режиссера, а и рядом великолепных актерских достижений.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ театра было крайне неожиданным известие, что роль Чацкого поручена Сергею Юрскому. Он

все устремлен вперед. Где же она — единственная, любимая? Просветлев и обессилев от счастья, опускается на колени у ее ног и принимается горящим лицом к ее рукам.

К сожалению, над многими исполнителями роли Чацкого довела «цитадель цитат». Их герой заранее презирал всех окружающих и лишь снисходительно позволял себе любить Софью. На сцене он жил от монолога до монолога, вкладывая в них всю патетическую страсть и искусство актера-трагика. За всем этим было мало человеческого.

Чацкий — Юрский предельно человечен. Любовь к Софье сделала для него мир прекрасным. Даже старик Фамусов сначала симпатичен ему из-за дочки, даже при всей неприязни к Молчалину он старается найти в нем какие-то привлекательные качества — ведь его уважает Софья. Доброта и искренность, может быть, главные черты его характера. Он спорит и бьется, потому что не может молчать, потому что не может видеть и слышать несправедливости. И он ждет той же доброты и искренности от других. Тем страшнее и труднее ему, когда на улыбку отвечают гримасой, на внимание — неприязню, на любовь — сплетней. Трагедия Чацкого в том, что мир обманул его, что он совсем не такой, каким ему представлялся, что ум, доброта, честность не способны сосуществовать с этим миром фамусовых.

Для Юрского монолога — прямое продолжение диалога и мысли. Поэтому монолог не выглядит вставным номером, ведется без фальшивого пафоса. Даже некоторый дефект дикции не только не мешает актеру, но и придает образу дополнительные